

(СПб. Библиотека альманаха «Русский миръ». Международная ассоциация «Русская культура». 2015. 512 с. Илл.)

Наши искренние поздравления читателю, которому предстоит открыть книгу Ренэ Герра: это книга – открытие, книга – праздник для глаз, ума и души, книга – событие в жизни для каждого жителя современной России! Наконец-то, Русский мир в зарубежье предстал во всём величии и противоречиях повседневной многоликой творческой жизни.

К непростому восприятию этой книги готовит читателя замечательная вступительная статья издателя, инициатора создания альманаха «Русский мир» Дмитрия Иващинцова.

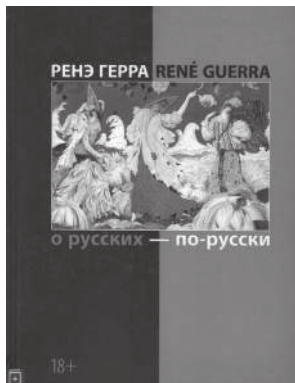
В его статье Р. Герра предстает подвижником, «страстный монолог которого... каждый раз напоминает нам о связи времён, взывает к нашей исторической памяти, заставляя нас творчески осмыслить подвижническое служение лучших представителей русской культуры своей Родине вопреки всем ураганам политической истории XX века». По прочтении книги вновь возвращаясь к этой статье и всецело соглашаешься с мнением издателя.

I МИССИЯ

Некоторые люди с детства понимают свою миссию, может быть, сначала и не в полной мере, но служение ей начинается с ранней поры жизни. У Рене Герра – по его рассказам – всё началось с изучения русского языка в одиннадцатилетнем возрасте. По мере увеличения числа знакомств и дружеских контактов выкристаллизовался главный интерес в жизни – культура русского зарубежья, состоялся выбор профессии слависта и пришло понимание цели своей жизни. Он называет себя «хранителем и исследователем творческого наследия белой эмиграции», первым славистом на Западе, который начал изучать культуру русского зарубежья. Свою историческую миссию Рене Герра видит не только в сохранении и защите творческого наследия деятелей русской культуры, продолжавших творить вдали от родины, но и в прояснении их вклада в утверждение образа великой России и её роли в духовном развитии человечества.

Собиратели, хранители наследия русской культуры и её пропагандисты были и в нашем отечестве в XX веке. Такие собиратели и открыватели русской музыкальной Атлантиды, как, например, знаменитый Ленинградский коллекционер Юрий Борисович Перепёлкин, хранили иногда с риском для жизни многие документы и музыкальные записи репрессированных деятелей русской культуры. Рене Герра, к счастью, не знал этого постоянного чувства опасности, грозящего собирателю и его близким. Однако задача собрать и воссоздать Атлантиду русской культуры в изгнании от этого не стала менее трудной и ответственной.

Рене Герра открывает для читателя современной России огромный мир русского зарубежья во Франции с удивительной щедростью. Здесь и простые люди, бывшие военные и казаки, и представители русского духовенства, и литераторы, и художники, и музыканты. Анализируя особенности эмигрантов первой, второй и третьей волны, автор проявляет неподдельный интерес к ключевым вехам их судеб и рассматривает их как важные составляющие истории России не только в прошлом, но и в будущем.

Самиздат 60–70-х и бурная книгоиздательская активность в конце 80-х – 90-х годах XX века открыла советскому читателю ранее неизвестные шедевры поэзии Георгия Иванова, Константина Бальмонта, Георгия Адамовича, прозы Ивана Шмелёва, Бориса Зайцева, Ивана Бунина и Марка Алданова, а также новые имена литераторов русского зарубежья.

Но, тем не менее, живое общение Р. Герра с великими деятелями русской культуры, огромная коллекция архивных документов, литературы и живописи делают его книгу уникальным документом эпохи сохранения русского самосознания и продолжения развития культуры России по «естественному» пути, каким оно могло бы быть на родине без трагедии 1917 года. Крушение России в начале XX-го века определило судьбы не только эмигрантов первой и второй волны, но и их потомков.

Автор счастливо избегает «монографического стиля» в описании творческих портретов литераторов и художников, рассматривая их на фоне исторического полотна и часто апеллируя к современным жителям России. Это и закономерно, поскольку художники и, особенно, литераторы, своё творчество адресовали будущим гражданам новой России, когда «мощная река литературы русского зарубежья сольётся с иссыхающим ручейком советских авторов» (Глеб Струве. 1930, Георгий Адамович, стр. 229–231).

Представляет интерес проведённый автором сравнительный анализ судеб русских философов, богословов и писателей-эмигрантов, ре-эмигрантов и не уехавших из России.

Не менее значительны и разделы, посвящённые усилиям деятелей зарубежья по утверждению и сохранению национальной русской самоидентичности. Это не только газеты и журналы, но и молодёжные организации, и летние лагеря, воскресные школы и клубы общения. Р. Герра подчёркивает, что православная церковь была «стержнем русскости в рассеянии» (стр. 274–277). Приведённые в книге многочисленные фото и другие документы не только подтверждают слова автора, но и выдают его глубокое уважение к представителям русского духовенства.

Большая часть книги Р. Герра посвящена русским художникам. Автор объясняет это тем, что творчество художников оказалось на Западе более востребованным по сравнению с литературой и философией, что создавало сносные условия для свободы творчества и безбедного существования художников. Как коллекционер Р. Герра собирал произведения авторов-эмигрантов, созданные ими преимущественно в зарубежье, когда для многих из

них начался новый этап в их творчестве. Он неоднократно подчёркивает, что элита русской культуры в рассеянии жаждала, прежде всего, свободы творчества. Благодаря ему, мы узнали о новых работах таких классиков, как Константин Сомов, Сергей Чехонин, Юрий Анненков, Зинаида Серебрякова, Мстислав Добужинский, открыли для себя замечательных мастеров Сергея Шаршуна, Дмитрия Бушена, Павла Мансурова, Ивана Лебедева и Сергея Иванова, сына Зинаиды Серебряковой Александра Серебрякова, Ростислава Добужинского и других. Многочисленные образцы работ русских мастеров из коллекции автора, представленные в книге, прекрасно иллюстрируют и дополняют текст. Некоторым из них Р. Герра посвящает отдельные разделы, в их числе Сергей Иванович Шаршун, Сергей Иванов – без текста, Павел Андреевич Мансуров, Михаил Андреевко, Иван Лебедев.

По признанию автора книги, долгое время он был единственным западным славистом, исследовавшим творчество Русского зарубежья. Как истинный профессионал, Р. Герра не ограничивается исследованием творчества и условий существования современных ему великих деятелей русской культуры, он собирает сведения и о тех из них, кого он в силу возраста уже не застал в живых. Чувствуется искренняя симпатия и восхищение автора мужеством, стоицизмом и творческой энергией героев повествования, особенно эмигрантов первой волны.

Автор несколько раз подчёркивает, что в зарубежье («в рассеянии») оказалась творческая элита России, которая не пассивно прозябала в ожидании «ухода большевиков», но продолжала творить. На примере художников и литераторов «Мира искусства», большинство которых оказалось вдали от России, Ренэ Герра доказывает, что Серебряный век окончился не в 1920-х с отъездом их из России, а в 1970-х годах, во Франции, с уходом из жизни эмигрантов первой волны и прекращением периодики зарубежья. В частности, Ренэ Герра рассматривает творчество за рубежом Сергея Шаршуна, Дмитрия Бушена, Михаила Андреевко, Павла Мансурова, Ивана Лебедева как новые страницы истории Серебряного века. Не только многочисленные выставки и востребованность русских художников во Франции, но и издание в переводах на европейские языки ряда писателей и поэтов русского зарубежья и, наконец, присуждение И. Бунину Нобелевской премии по литературе автор считает свидетельством полноценного вклада русских эмигрантов и их потомков в европейскую культуру.

Заметим, что в книге акценты на описании творчества определённых литераторов и художников обусловлены не только значительностью роли каждого из них в русской культуре, но также дружбой и представленностью их творческого наследия в коллекции Ренэ Герра. Это придаёт изложению душевность и позволяет автору существенно дополнить созданное текстом представление о герое повествования многочисленными репродукциями. Иногда текст даже отсутствует, и о художнике говорят только его работы (например, в разделе, посвящённом Ивану Лебедеву).

Замечательной особенностью книги Герра является полнота изображения жизни русского зарубежья в целом. В этой картине достойно представлены и выдающиеся деятели культуры и простые смертные, и общественные организации, и организаторы, и участники различных союзов и национального молодежного движения. Но не обходит молчанием автор книги и осведомителей ГПУ-НКВД. Один из её разделов, посвящённый русской периодической печати, как и материалы, представленные в Приложении, хорошо представляют разнообразие проявлений повседневной жизни этого «государства в государстве».

Автор не даёт читателю забыть, что героями его книги являются живые люди, и в основном тексте, и в специальном разделе описаны сложные отношения между соотечественниками. Динамика этих отношений до самого конца существования русской эмиграции первой волны (по мнению автора – до конца 70-х годов) определялась историческими событиями, отношением к большевикам, Ленину и Сталину.

Первоначальная сплочённость эмиграции во время жизни «на чемоданах» до середины 20-х годов по мере понимания необратимости событий и в связи с раскольнической деятельностью ГПУ сменилась определённой разобщённостью в послевоенное время, особенно после указа Сталина «о прощении» и выдаче советских паспортов. Важно подчеркнуть, что Р. Герра, как настоящий русский интеллигент, сочетает деликатность, уважение к каждому из своих героев с трезвым и глубоким анализом его характера и с анализом причин того или иного принятого им судьбоносного решения. Например, высокая оценка творчества Сергея Чехонина, Юрия Анненкова и Алексея Ремизова не мешает автору заметить двойственности их отношения к большевикам. Сам автор, в силу близости к великим деятелям культуры России, оказавшимся по своей воле за рубежом или будучи изгнанными, и зная особенности советской действительности, явственно показывает нам своё

неприятие всего *советского* и понимает невозможность возвращения в Россию своих героев, спустя 30 лет после революции и, тем более, позже. Это подчеркивает небольшой эпизод разговора об искусстве В.И. Ленина с Юрием Анненковым (возможно, когда вождь позировал художнику): «Искусство для меня – это нечто вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда его пропагандная роль будет сыграна, мы его – дзык, дзык! – вырежем. За ненужностью» (из книги Ю. Анненкова «Старые – молодым». Изд. ЦОПЭ. Мюнхен. 1960. С. 14, 24–25).

Хотя автор практически не рассказывает об участии русских эмигрантов в Соппротивлении, но всё же скупно упоминает погибших в концлагерях и на фронте молодых русских литераторов. Симпатичные штрихи добавлены в портрет И.А. Бунина: он не только раздавал полученную им нобелевскую премию нуждающимся, но и с риском для жизни укрывал от нацистов у себя в доме эмигранта-еврея писателя Бахраха (о его воспоминаниях о Бунине Герра отзывается, мягко говоря, весьма неодобрительно).

Герра с глубоким пониманием психологии описывает судьбы тех представителей эмиграции, которые метались между надеждами на освобождение России немецкими войсками и пониманием истинной цели Гитлера. Многие читатели впервые узнают о существовании в 1945–1947 годах под Парижем лагеря Борегар, где советские сотрудники НКВД пытали и расстреливали схваченных в Париже эмигрантов первой и второй волны (известно, что так было и в других странах, освобождаемых Советской армией от фашистов).

Как истый коллекционер, Р. Герра может с удовольствием рассказывать о своих приобретениях на торгах, о ценах на работы того или иного художника или на открытки А.М. Ремизова сегодня и в будущем. Вместе с тем, читатель понимает, что это та порода коллекционеров, которые приобретают раритеты не ради обладания ими, а для сохранения и собирания архивов определённых авторов и для дальнейшей передачи этих архивов людям, понимая это как свой нравственный долг. Ренэ Герра именно так видит своё служение памяти великих творцов русской эмиграции: собирание, сохранение и возвращение их наследия современной России.

Большой интерес представляет раздел, где представлены портреты Ренэ Герра работы разных и очень интересных художников. Ожидаемо они представляют «разного» Герра, но все – с симпатией к нему. Однако это собрание в одном разделе понадобилось автору не для самолюбования, а как повод ещё раз под-

черкнуть и продемонстрировать на конкретных примерах деятельности реализацию своей миссии по возвращению творческого наследия деятелей зарубежья в Россию.

Важно подчеркнуть, что это «возвращение» очень активно и имеет разнообразные формы: кинофильмы, выступления на конференциях и симпозиумах, лекции в столичных залах и в провинции, в удалённых от столиц малых городах нашей родины, публикации в газетах, журналах, выпуски сборников поэтов и прозаиков русского зарубежья, участие в книжных салонах и выставках.

Именно приверженность общему делу и чувство нравственного долга называет основными чертами русского интеллигента издатель книги Дмитрий Ивашенцов в замечательной вступительной статье к ней, приобщая Ренэ Герра к русской интеллигенции, этому «цементу, скрепляющему единство не только России, но и русского мира в целом».

В книге Р. Герра лики и лица России образуют русский храм, наподобие Петербургского Храма на крови, который в любую минуту, когда проглянет солнце, может обернуться русским теремом с затейливыми башенками, каждый раз новыми и неожиданными... Невозможно прокомментировать каждого героя или событие, описанные Ренэ Герра, но по личному впечатлению настоящим откровением для авторов статьи стал раздел, посвящённый Сергею Ивановичу Шаршуну, поэту и «художнику-музыканту», как он себя называл. Тщательно отобранные репродукции работ убедительно подтверждают слова Герра о родстве абстракционизма в изобразительном искусстве и музыки. Сильное впечатление производят работы Сергея Чехонина, известного агитационным фарфором в советский период его творчества. В Париже

он занимался в основном книжной иллюстрацией и оформлением спектаклей балета Веры Немчиновой. Эти работы и миниатюры (в частности, портрет В. Немчиновой) свидетельствуют о новом этапе в творчестве художника. Согласно книге Герра, для балета Немчиновой, замечательной продолжательницы традиций Русских сезонов Сергея Дягилева, работали многие художники русского зарубежья. И автор не упускает случая сказать доброе слово о Вере Немчиновой и Матильде Кшесинской не только как о великих балеринах, но и как педагогах, утверждавших традиции школы русского балета в Европе и Америке.

Большое внимание автор уделяет судьбам тех, кто вернулся. Судьбы некоторых возвращенцев в значительной степени известны и нам, «простым советским людям», иные из них вернулись добровольно (Сергей Прокофьев, Куприн, Марина Цветаева, Вертинский), иных привезли в наручниках (Тимофеев-Ресовский, Шульгин, Краснов), автор рассказывает нам о Владимире Сосинском и художнике Николае Глуценко, но, говорит он, «разговор о судьбах реэмигрантов может быть долгим». Мы были знакомы с некоторыми из возвращенцев, например с авторами интересных Воспоминаний о русском зарубежье Ириной Одоевцевой и Татьяной Ивановной Лещенко-Сухомлиной, мужьями которой являлись известный деятель русского революционного движения Сухомлин (автор воспоминаний о том времени «Детство на Каре»), и скульптор Цаплин, наследие которого вернулось в Россию.

«Эмиграция» отошла в прошлое» в конце 70-х, тогда же закончилась и периодика...

Но о какой эмиграции мы ведём речь?

Прежде всего, об идеалистах и мечтателях «Первой волны», эпохи Гражданской войны и начала двадцатых годов.

Но была и «Вторая волна», растянутая во времени: это беженцы из советского лагеря, одни из которых были красными, другие белыми, в частности Фёдор Раскольников, Евгений Замятин, Солоневич, да и некоторые ещё уехали на Запад вполне легально как советские граждане, например, великие скульпторы Конёнков и Цаплин, знаменитый генетик Тимофеев-Ресовский, а многих переместила на запад война. Это те, кто не успел уехать вовремя – Иванов-Разумник, например. Но о значительной части вынужденных эмигрантов Второй волны речь не идёт, например, о беженцах из оккупированных областей и о миллионах советских военнопленных, хотя среди них были и яркие деятели культуры.

Эмигранты Третьей волны, 1960-х – 80-х годов (некоторые из которых были вынужденными), в основном, существенно отличались от первой русской эмиграции, продолжившей, по мнению Р. Герра, русский Серебряный век на Западе, хотя среди них, говорит нам автор, встречались и достойные: Войнович, Виктор Некрасов, Солженицын, и др).

Однако если эмигранты 1-й волны покидали Россию с любовью, и их ассимиляция происходила в течение 50 лет, то эмигранты 3-ей волны, диссиденты, уезжали (или бежали) на Запад с ненавистью к России, их дети ассимилировались за 10 лет.

Но были и эмигранты 4-й, экономической волны, приехавшие, как пишет Рене Герра, «за колбасой» – они вызывают у него презрение. Эта эмиграция, начавшись в злополучные девяностые годы, продолжается до сих пор. О ней мы более упоминать не будем.

Рене Герра свою историю Русского зарубежья заканчивает так: **«Русская эмиграция завершила своё великое дело и сделала даже больше, чем могла».**

II КОГДА МЫ В РОССИЮ ВЕРНЁМСЯ?

Георгий Адамович

Когда мы в Россию вернёмся... О, Гамлет восточный, когда? –
Пешком, по размытым дорогам, в стоградусные холода,
Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов, пешком,
Но только, наверное, знать бы, что вовремя мы добредём...
Больница... Когда мы в Россию... колышется счастье в бреду,
Как будто “Коль славен” играют в каком-то приморском саду,
Как будто сквозь белые стены, в морозной предутренней мгле
Кольшатся тонкие свечи в морозном и спящем Кремле.
Когда мы... довольно, довольно. Он болен, измучен и наг,
Над нами трёхцветным позором полощется нищенский флаг,
И слишком здесь пахнет эфиром, и душно, и слишком тепло.
Когда мы в Россию вернёмся... но снегом её замело.
Пора собираться. Светает. Пора бы и трогаться в путь.
Две медных монеты на веки. Скрещённые руки на грудь.

Тема *возвращения на Родину* «эмигрантов Первой волны» проходит сквозь всю книгу Рене Герра, эта тема мучительна не только для них, остро переживающих и любовь к России, не так

как мы, российские «обыватели-интернационалисты», «праздноболтающие иногда о ней, но не наполненные слезами и страстью» (надеюсь, читатель ещё не забыл «воинов-интернационалистов» и семидесятилетний пафос борьбы за освобождение порабощённых стран, о чём нас почти никто из них не просил), и разлуку с нею, которая стала подлинной жизненной трагедией для них всех, – но эта тема мучительна и для небольшой части русской интеллигенции, произрастающей в своей стране, но ещё хуже, чем на чужбине, – русских отщепенцев, к которым я имею честь принадлежать.

Выдающиеся явления культуры не принадлежат только культуре как таковой – прежде всего, они глубоко национальны (несмотря на многочисленные заклинания космополитических либералов о всеобщности культуры), во-вторых, они глубоко личны, то есть пропитаны началом личности и личной судьбы. Культура русской эмиграции, особенно той её части, которая произросла во Франции, оставалась чисто русской, хотя и повлияла на французскую жизнь и культуру (о чём рассказывает и Рене Герра), и не удивительно, что она родилась, развилась и умерла почти так как живёт и умирает человек – хотя одновременно она стала и бессмертной, как бессмертен гений (который, по слову Пушкина, «весь не умирает»). Но она лична ещё и по связи её с читателями и зрителями, с теми, кто как крестьянин вышел на её ниву, чтобы питаться её плодами.

Знакомство с нею – это не времяпрепровождение, не развлечение, это «жизнь и судьба», как для Герра, так и для меня, так и для тысяч других, с некоторыми из которых я знаком.

Удивительно или нет, но «явлением русской культуры» стал и сам Рене Герра с его более чем полустолетней *миссией* собирания, сохранения и распространения культуры русской эмиграции, и его воистину великая Книга. Поскольку всякое законченное явление культуры в целом *лично*, представляет собою «жизнь и роман» отдельного человека, любовный роман, то данная статья не может оставаться только очерком и впечатлением от книги, но непременно должна быть и рассказом о втором герое любовной драмы «культура + личность» (как и во всяком рассказе, где речь идёт о творчестве отдельного автора, мы соединяем автора с его творчеством, они словно бы женщина и мужчина в их союзе), то наследие русской эмиграции творчески соединено с миссией человека, к нему присоединившегося. Читатель точно так же воссоединяется с культурой, его духовной родиной – ибо культура – это духовное Я нации и личности, вот в каком смысле я и утверждаю,

что культура живёт через общение и союз с личностью. Чтобы быть более понятным, снова вспомню великого собирателя русского вокала, моего духовного наставника и старшего товарища Юрия Борисовича Перепёлкина, в коллекции которого центральное место занимали Шаляпин, Смирнов, Плевицкая, яркие представители русской творческой эмиграции. Культура постоянно связана с такими людьми, которые ей необходимы так же, как авторы-созидатели. Через века из античности дошёл до нас образ Мецената, имя которого стало нарицательным, а Россия помнит имена Третьякова, Саввы Мамонтова, издателей Сабашниковых, Сергея Дягилева, Лифаря... В этом славном ряду почётное место занимают и наш старший современник барон Фальц-Фейн, ныне житель Лихтенштейна, родившийся в 1912 году в России, родственник Достоевского (о нём смотри в журнале Мъра, который я издавал в девяностые годы) и наш современник Рене Герра, истинный француз, ставший великим русским!

Культура не существует без её создателей – но она не существует и без собирателей, издателей, организаторов выставок, концертов, театров, критиков и редакторов, учёных исследователей и учителей, преподавателей музыки, рисования, языка и литературы (да и сама судьба и миссия Рене Герра тесным образом оказалась связанной с той русской женщиной, которая его научила русскому языку).

В девятнадцатом столетии было модно увлекаться «простым народом», противопоставляя его дворянству и интеллигенции, как это делал Лев Толстой, так что казалось, что в России живут два народа, один из которых от нечего делать занимается культурой, а другой богоносный, живущий подлинной жизнью – это уже идеи Достоевского. Но оглядываясь на историю трагического и горестного для России двадцатого столетия, мы видим, что великий русский народ (подлинно великий в том числе и через своё крестьянство, хотя и другое крестьянство, чем его представляли Толстой и Достоевский) разделился уже на три народа: **советский народ** (те *советские люди*, к которым недоверчиво, отчуждённо и часто презрительно относится Рене Герра – и справедливо!), **русская эмиграция** (та, подлинная, связанная с Белым движением, с некоторыми добавлениями из более поздних волн эмиграции), ныне уже почившая, и **внутренняя эмиграция, народ отщепенцев**, который нельзя путать с диссидентством, хотя этот народ не менее яростно по духу противостоит и советской власти, и ленинско-сталинской кровавой тирании, и современной воровской растленной власти,

и мещанству, которое было клеймено и Горьким (ярким его представителем) и Маяковским (может быть, не менее ярким), и Ивановым-Разумником... Наше родство, русских отщепенцев, ближе всего к русскому зарубежью, наследие которого призван сохранять Рене Герра, к российскому Серебряному веку, к тем представителям русской творческой интеллигенции, которые духу советизма противостояли не всегда явно (Вл. Солоухин, Тендряков, Шукшин, Арсений Тарковский и его знаменитый сын Андрей, Виктор Некрасов), к тем её представителям, которые осмелились восстать против марксистского дурмана (Солженицын, Шафаревич)... Но ныне «всё смешалось в доме Облонских» и трудно отделить врагов от друзей, может быть, пришёл последний час, поэтому я протягиваю руку и нетребовательному *читателю* (все же он ещё умеет читать), и *нечитателю* (все же он НЕ читает не только меня, но и негодяев), обывателю (всё же он не рвётся в комсомол и в Думу, ... тем, кто отдал своё сердце России и русской культуре, как Рене Герра, я протягиваю своё сердце, самый трагический человек современной России, чужой среди коммунистов и христиан, среди либералов и космополитов, иногда и среди народников, слишком воспевающих бересту и квас; чужой иногда и среди друзей, подлинно свой детям и блаженным... Но когда же я вернусь в Россию, которую я буду любить как вернувшегося *блудного сына* а не как несчастную *загулявшую мать*?

Но почему я так много пишу о себе? Потому что главное чувство, которое меня привязывает к другим, это любовь – а она слишком *лична* и мало *общественна*. Я смотрю в культуру, как в зеркало, и часто в нём вижу себя. Но зато я постоянно смотрюсь не только в себя, как Сократ, но и в Культуру... как Савва Мамонтов, Иван Цветаев, Зимин, Эдуард Ник--ич Фальц-Фейн, Юрий Борисович Перепёлкин, Михаил Андреевич Гневушев, и ныне здравствующий и деятельный, живой по-французски и страстный по-русски Рене Герра, книгу которого я продолжаю читать.

С трудом отрываясь от чтения, понимаю, как точно ее название: «О русских – по-русски»!